

ОБ ОДНОМ ВОПЛОЩЕНИИ НЕРЕАЛИЗОВАННЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ.

Юбилейные даты, связанные с жизнью великого человека, обычно дают импульс дискуссиям о его роли в истории. В этом смысле отношение к Ф. Энгельсу было всегда довольно своеобразным. С одной стороны, большинство течений марксизма признавали Энгельса одним из своих отцов-основателей. С другой стороны, само название "марксизм" несет в себе одностороннее представление об исключительной роли Маркса. Эта односторонность возникла отчасти с легкой руки самого Энгельса, не желавшего ставить себя вровень с покойным другом¹. Но вряд ли она закрепилась бы на сто с лишним лет по одной этой причине. Слишком часто Энгельсу что-то инкриминировали - то диалектику природы, превратившую марксизм в «тотальную» философскую систему и оторвавшую его от гуманистических истоков, то германский патриотизм, то ненависть к России и другим славянским народам. Создается впечатление, что он чем-то очень мешал последующим «марксистам» из тех, о которых сам Маркс говорил: «Я знаю только одно: что я не марксист».

175-летие Энгельса и 100-летняя годовщина его ухода из жизни пришлись на трудное время поражения раннего социализма в Восточной и Центральной Европе. На развалинах официального марксизма, как из-под земли, выросло множество, с позволения сказать, теоретиков — и откровенных врагов марксизма, и его услужливых друзей, которые зачастую бывают опаснее врага. Постоянно приходится слышать и читать: марксизм не работает; выводы классиков марксизма не подтвердились; марксизм чужд российской цивилизации, и все беды России за последние три четверти века приключились от того, что ей навязали марксистскую теорию. Вот, например, рассуждение известного публициста оппозиции С. Кара-Мурзы, которого газета «Правда» величает даже «виднейшим философом»:

«Марксизм - одна из теорий и идеологий индустриализма, т. е. западного

классового общества... Марксизм, вскрывший "физиологию" западного рыночного общества, плохо описывал общество России. Подгонка нашей реальности под догмы марксизма, в чем сам Маркс не виноват, приводила к тяжелым травмам. Сегодня такая подгонка просто оставляет нас без теории»².

Спасибо, конечно, "виднейшему философу" за великодушное признание невинности Маркса. А вот признал ли бы он невинным Энгельса, если бы знал одно его поразительное письмо, где почти буквально предсказано не только общее развитие событий нашего времени, но и критика марксизма со стороны Кара-Мурзы и многих других наших современников?

«Мне думается, - пишет Энгельс, - что в одно прекрасное утро наша партия вследствие беспомощности и вялости всех остальных партий будет вынуждена встать у власти, чтобы в конце концов проводить все же такие вещи, которые отвечают непосредственно не нашим интересам, а интересам общереволюционным и специфически мелкобуржуазным: в таком случае под давлением пролетарских масс, связанные своими собственными, в известной мере ложно истолкованными и выдвинутыми в порыве партийной борьбы печатными заявлениями и планами, мы будем вынуждены производить коммунистические опыты и делать скачки, о которых мы сами отлично знаем, насколько они несвоевременны. При этом мы потеряем головы, - надо надеяться, только в физическом смысле, - наступит реакция, и прежде, чем мир будет в состоянии дать **историческую** оценку подобным событиям, нас станут считать не только чудовищами, на что нам было бы наплевать, но и дураками, что уже гораздо хуже. В такой отсталой стране, как Германия, в которой имеется передовая партия и которая втянута в передовую революцию вместе с такой передовой страной, как Франция, - при первом же серьезном конфликте, как только будет угрожать действительная **опасность**, наступит черед для этой передовой партии действовать, а это было бы, во всяком случае, **преждевременным**. Однако все это неважно, и самое лучшее, что можно сделать, - это уже заранее подготовить в нашей партийной **литературе** историческое оправдание нашей партии на тот случай, если это действительно произойдет»³.

Если в этой цитате подставить на место Германии Россию и на место Франции -

Германию, то останется только изумиться тому, с какой точностью основатель одной из идеологий западного индустриального общества предсказал события в обществе, как принято считать сейчас, не западном и не индустриальном. Мы, конечно, не надеемся, что критики типа Кара-Мурзы задумываются над этим прогнозом, тем более что все они с подозрительным единодушием избегают всяких упоминаний об Энгельсе. Но для нас в этом отрывке заключено сразу несколько теоретических вопросов. Во-первых, можно ли считать, что Энгельс ошибался, прогнозируя европейскую революцию на 50-е годы XIX века, если она не состоялась? Во-вторых, случайно ли то, что его прогноз все-таки оправдался, хотя в другое время и в основном в другом месте? В-третьих, как вообще может человек, пусть даже великий теоретик, настолько опередить свое время? В-четвертых, не с этим ли связано упорное игнорирование Энгельса как марксистами вышеописанного толка, так и критиками марксизма? Попробуем ответить на эти вопросы.

Все известные концепции исторического развития можно разделить на две группы: волюнтаристические и детерминистские. Первые сводили историю к серии случайностей, вроде формы носа Клеопатры или «харизмы» какого-либо вождя или пророка. С этой точки зрения, выдающиеся деятели творят историю в том смысле, что могут в любой момент повернуть ее в какое угодно русло. Именно над такими представлениями иронизировал Энгельс, когда писал: «Выходит, что если бы Ричард Львиное Сердце и Филипп-Август ввели свободу торговли вместо того, чтобы впутываться в крестовые походы, то можно было бы избежать 500 лет нищеты и невежества»⁴.

Марксизм, как известно, исходит из представления о существовании объективных законов истории и поэтому может быть отнесен ко второй группе. Но значит ли это, что марксистский детерминизм совпадает с лапласовским, то есть признает заранее заданную обусловленность исторических событий, заданную, если рассуждать последовательно, еще до того, как началась сама история?

Энгельс, как известно, писал по этому поводу: «Согласно материалистическому пониманию истории, в историческом процессе определяющим моментом **в конечном счете** является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни

Маркс большего никогда не утверждали». Эту цитату можно найти, вероятно, в любом учебнике исторического материализма. Но в том же письме Энгельс продолжает: «История делается таким образом, что конечный результат всегда получается от столкновения отдельных волей, причем каждая из этих волей становится тем, что она есть, опять-таки благодаря массе особых жизненных обстоятельств»⁵. Такое высказывание можно было бы отнести к какой-нибудь школе исторического волюнтаризма, если не знать наверняка его автора. Не рискуем ли мы здесь уйти в другую бесконечность, объясняя каждую волю массой жизненных обстоятельств, а эти обстоятельства — столкновением чьих-то волей? И каким образом результат взаимодействия этих волей определен «в конечном счете» экономическими предпосылками? Этого ни один учебник исторического материализма не объясняет.

В самом деле, если считать, что экономическое развитие определяет ход исторических событий **однозначно**, то слова «в конечном счете» не имеют смысла, и исторический материализм сводится к пресловутому «экономическому материализму». Вероятно, на самом деле слова Энгельса нужно понимать в том смысле, что в определенные моменты своего развития экономический базис открывает для действия человеческих волей некоторый веер возможностей, воплощение же той или иной из них зависит именно от «столкновения волей», принципиально не программируемого заранее. В основу новой исторической эпохи ляжет воплощенная возможность. Она же определит, каким образом будут решены исторические задачи, возникающие на новом этапе, в том числе и различные подробности самого экономического развития. Именно таким образом «экономическое развитие как необходимое в конечном счете прокладывает себе дорогу сквозь бесконечное множество случайностей»⁶: историческая закономерность возникает как результат взаимодействия необходимого и случайного.

Иллюстрируя эти высказанные и невысказанные мысли примерами из германской истории, Энгельс замечал: «Прусское государство возникло и развивалось также благодаря историческим и в конечном счете экономическим причинам. Но едва ли можно, не сделавшись педантом, утверждать, что среди множества мелких государств Северной Германии именно Бранденбург был предназначен для роли великой

державы, в которой воплотились экономические, языковые, а со времени Реформации и религиозные различия между Севером и Югом, и что это было предопределено только экономической необходимостью...»⁷.

Таким образом, реализовавшаяся возможность не есть единственная реально существовавшая. Советский историк Б. Н. Поршневу вообще считал, что в истории не существует ничего, кроме разнообразных возможностей, из которых одни реализуются, а другие нет. Одной из таких существовавших, но не воплощенных возможностей была возможность европейской революции в 1850-х годах. Прогноз Энгельса был верен в той мере, в какой эта возможность существовала, и стал неверным в той мере, в какой она не реализовалась. Что она не реализовалась вовсе, утверждать нельзя: достаточно вспомнить «революции сверху» (даже с элементами «революции снизу»), которые произошли в конце 50-х - начале 60-х годов XIX века в России, Германии, Италии. В результате столкновения множества волей из спектра возможностей была выбрана не самая левая, «красная», на которую надеялся Энгельс, а срединная («желтая?»), и это стало основой дальнейшего развития истории - европейской и в значительной мере мировой. Новый же спектр возможностей обуславливается всякий раз не просто общей экономической необходимостью, а ее взаимодействием с ранее реализовавшимися и не реализовавшимися историческими возможностями.

Отсюда вытекает ответ на наш второй вопрос: случайно ли прогноз Энгельса для Германии XIX века оправдался в России XX века?

История предстает Энгельсу как единое целое во времени и пространстве именно благодаря взаимодействию экономического и социально-политического движения. События середины XIX века были для него причинно связаны со всей предыдущей историей, причем таким образом, что нереализованные возможности прошлого входили составной частью в настоящее и в формирование спектра возможностей будущего. Поэтому как модель для изучения современной ему ситуации он мог использовать события XVI века, а его глубокий анализ ситуации XIX века, как оказалось, смоделировал события XX века.

Присмотримся к тому, как в работе «Крестьянская война в Германии» Энгельс

анализирует расстановку сил и действия участников событий 1524-1526 гг. Следуя по канве книги Циммермана, он отмечает не только воплощенные возможности. Среди действующих лиц его особенно интересуют именно носители возможностей невоплощенных: Томас Мюнцер и Вендель Гиплер. «Подобно тому, как Мюнцер - в качестве представителя того класса, который стоял вне всяких существовавших до того времени официальных общественных связей и являлся зародышем пролетариата, - возвысился до предчувствия коммунизма, точно так же и Вендель Гиплер, представитель, так сказать, средней равнодействующей всех прогрессивных элементов нации, пришел к предчувствию **современного буржуазного общества**»⁸.

Вот как анализирует Энгельс положение, в котором оказался Мюнцер весной 1525 года, после взятия власти в Мюльхаузене: «Самым худшим из всего, что может предстоять вождю крайней партии, является вынужденная необходимость обладать властью в то время, когда движение еще недостаточно созрело для господства представляемого им класса и для проведения мер, обеспечивающих это господство. То, что он **может** сделать, зависит не от его воли, а от того уровня, которого достигли противоречия между различными классами, и от степени развития материальных условий жизни, отношений производства и обмена, которые всегда определяют и степень развития классовых противоречий. То, что он **должен** сделать, чего требует от него его собственная партия, зависит опять-таки не от него самого, но также и не от степени развития классовой борьбы и порождающих ее условий; он связан уже выдвинутыми им доктринами и требованиями, которые опять-таки вытекают не из данного соотношения общественных классов и не из данного, в большей или меньшей мере случайного, состояния условий производства и обмена, а являются плодом более или менее глубокого понимания им общих результатов общественного и политического движения... Словом, он вынужден представлять не свою партию, не свой класс, а тот класс, для господства которого движение уже достаточно созрело в данный момент. Он должен в интересах самого движения отстаивать интересы чуждого ему класса и отделяться от своего класса фразами, обещаниями и уверениями в том, что интересы другого класса являются его собственными»⁹. Нет ли тут сходства с письмом Вейдемейеру, написанным примерно тремя годами позже? Не

чувствовал ли себя Энгельс Мюнцером XIX века?

Экономическое развитие Германии XVI века создавало предпосылки объединения страны на раннекапиталистической основе и веер возможных путей для достижения этой цели. Путь крестьянской революции был, конечно, практически невероятен, эта возможность являлась чисто формальной. Путь же бюргерско-дворянский, с учетом некоторых интересов крестьян, имел реальные шансы; поражение Гиплера объясняется именно неудачным для него «столкновением волей», в том числе предательством Гёца фон Берлихингена и колебаниями Вильгельма фон Грумбаха. Но конец попыткам такого рода положили только Тридцатилетняя война и Вестфальский мир. Потенциальная возможность национального объединения осуществилась в жалкой форме княжеского абсолютизма, централизовавшего отдельные части страны.

Промышленный переворот XIX века открывал Германии последнюю возможность национального объединения. Альтернативой ему становилось превращение в периферийную страну, зависимую экономически и политически от держав-метрополий. Но какие силы могли теперь его осуществить? Красная полоска спектра исторических возможностей, которая во времена Крестьянской войны была тонкой ниточкой, угрожающе расширялась и к 1848 году занимала не меньший сектор спектра, чем в 1525 году полоса Гиплера. Только после поражения революционного движения 1848-1849 годов и несостоявшейся революции 1850-х годов шансы левых были похоронены и объединение окончательно стало делом правоцентристских сил. Неосуществленность бюргерско-дворянской централизации XVI века позволила этому блоку сыграть относительно прогрессивную роль и в XIX веке. Можно сказать, что в последний момент Гиплер победил в лице Бисмарка. Энгельс имел право сказать: «Крестьянская война вовсе не так далека от наших современных битв, и противники, с которыми приходится сражаться, большей частью те же самые»¹⁰.

В результате объединения Германия перестала быть отсталой страной, где левые силы должны были решать общенациональные задачи в значительной мере в ущерб классовым. Это, однако, отнюдь не снимало с повестки дня классовые задачи, только центр их решения должен был передвинуться из Германии в другую страну. Сдвиг этот нельзя считать механическим, он органически вплетен во все мировое развитие, в

котором национальные и международные процессы глубоко взаимосвязаны.

Энгельс хорошо понимал это. В уже цитированном письме И. Блоху он раскрывал эту взаимосвязь на примере внутренних и международных факторов раздробленности и единства Германии. Наряду с внутренними факторами он называет «то обстоятельство, что Бранденбург благодаря обладанию Пруссией был втянут в польские дела и через это в международные политические отношения, которые явились решающими также и при образовании владений Австрийского дома»¹¹. Исторические альтернативы для него возникали не в рамках какого-нибудь княжества Рейс младшей линии, не в рамках даже Бранденбурга или Германии в целом, а в рамках соответствующего эпохе масштаба международного общения.

Со времен образования Священной Римской империи Германия была средоточием международных отношений Европы. Эта ее роль в значительной мере препятствовала национальному объединению, шансы на которое появлялись только в условиях кризиса европейской системы международных отношений. По тем же причинам Германия с XV века оказалась средоточием европейского революционного процесса. Исход революционного движения в любой стране зависел от ее позиции. Гуситское движение не потерпело бы поражения без содействия германского императора. Основной силой Контрреформации был союз австрийских и испанских Габсбургов. Английская революция могла победить только на фоне Тридцатилетней войны. Даже Великая французская революция, а затем наполеоновская Империя вынуждены были всеми силами втягивать Германию в свою орбиту.

Продолжением обеих этих исторических тенденций была возможность революционного объединения страны, которую Энгельс связывал в 1848—1849 годах с **европейской** революцией, а в 1853-1859 годах - с **европейской** войной. Он неизменно обращал внимание своих корреспондентов на то, что в случае вступления Германии в Восточную войну 1853-1856 годов или во франко-австрийскую войну 1859 года началась бы европейская революция. По его словам, в том случае, если бы Луи Наполеон начал войну за установление границ по Рейну, «создалось бы критическое положение, из которого для Германии не оставалось бы другого выхода, кроме революции, изгнания всех государей и установления единой германской

республики»¹². К тем же последствиям, по убеждению Энгельса, привела бы и война Германии с царской Россией.

Ничего этого не произошло. Объединившись «сверху», Германия перестала играть роль средоточия европейских взаимосвязей. Теперь в этой роли выступила Российская империя и уже в евроазиатском масштабе. С этого времени никакой революционный процесс на всем континенте не мог надеяться на успех без поддержки России: вспомним хотя бы подавление восстаний в Польше и Венгрии и успех войн за независимость Греции, Сербии и Болгарии. В то же время внутренние процессы развития делают Россию такой же европейски отсталой страной, какой раньше была Германия. Здесь начинает созревать революционный взрыв того же типа: он может привести к власти леворадикальные силы крайней левой части спектра исторических возможностей, хотя вероятность этого и крайне невелика. Но в случае успеха им также придется решать не столько свои классовые задачи, сколько общенациональные, общереволюционные и, вероятно, международные.

Энгельс не мог не уловить этого сдвига. В 1894 году он писал о российском внутреннем кризисе конца 70-х годов: «В России в те времена было два правительства: правительство царя и правительство тайного исполнительного комитета (*ispolnitelny comitet*) заговорщиков-террористов. Власть этого второго, тайного, правительства возрастала с каждым днем. Свержение царизма казалось близким: революция в России должна была лишить европейскую реакцию ее сильнейшего оплота, ее великой резервной армии, и тем самым дать также новый могучий толчок политическому движению Запада, создав для него вдобавок несравненно более благоприятные условия борьбы»¹³.

Таким образом, в России конца XIX века Энгельс видит альтернативную ситуацию - «столкновение волей» царского правительства и Исполнительного комитета народолюбцев, которое обусловлено кризисом перехода от крепостнической системы хозяйства к какой-то иной. К какой - в этом и состоит альтернатива. Победа контрреволюционной воли обусловит движение страны по капиталистическому пути; победа воли революционной может открыть весьма оригинальные и перспективные исторические возможности как для самой России, так и для всего мира: «Не только

возможно, но и несомненно, что после победы пролетариата и перехода средств производства в общее владение у западноевропейских народов те страны, которым только что довелось вступить на путь капиталистического производства и в которых уцелели еще родовые порядки или остатки таковых, могут использовать эти остатки общинного владения и соответствующие им народные обычаи как могучее средство для того, чтобы значительно сократить процесс своего развития к социалистическому обществу и избежать большей части тех страданий и той борьбы, через которые приходится прокладывать дорогу нам в Западной Европе»¹⁴.

Как видим, Энгельс считал, что революционный процесс конца XIX века должен иметь евразийский масштаб взаимодействия. Русская революция откроет возможность победы революций во всей Европе, которая, в свою очередь, поможет России и сходным с ней странам развиваться далее по законам, отличным от законов развития капиталистического Запада. Вопреки Кара-Мурзе и подобным ему виднейшим философам, «особый путь» России может быть обусловлен не особостью «русской цивилизации», а только единством мирового исторического процесса. Причем для того, чтобы вступить на этот «особый путь», требуется именно мировая революция, а ее поражение будет означать для России втягивание на путь «западного индустриализма» со всеми его экономическими и социально-политическими издержками. Гораздо большими, чем, например, для Великобритании, Франции и даже Германии, можно добавить в наше время.

Утверждая, что социалистический характер революции в России и перерастание поздних общинных отношений в социалистические может обеспечить только взаимодействие общины с обществом, достигшим индустриальной стадии развития, Энгельс был совершенно прав. Для конца XIX века речь в этом смысле могла идти только о взаимодействии России и Западной Европы. Однако из прогноза Энгельса никак не следует, что внутри такой огромной страны, как Российская империя, промышленный город не мог развиваться, не разрушив окончательно общинного уклада деревни или по крайней мере каких-то его черт. Четверть века капиталистического развития создали именно такое положение. Продолжение же процесса индустриализации в 30-е годы сопровождалось коллективизацией, которая была не

столько кооперированием хозяйств «фермерского» типа, сколько развитием еще не до конца уничтоженных и забытых общинных традиций русской деревни.

Как и предвидел Энгельс, русская революция дала мощный толчок революционному процессу в Центральной и Западной Европе, причем именно по намеченным им еще в 1890-х годах направлениям: падение империи Гогенцоллернов, распад Габсбургской и Османской империй, восстановление независимости Польши¹⁵. Революциям XX века пришлось решать не столько классовые задачи пролетариата, сколько задачу создания системы национальных государств в Европе, которая встала в повестку дня еще в XVI веке и с тех пор оставалась нерешенной. Неблагоприятный исход исторической альтернативы XVI века привел к тому, что на социалистическом этапе европейские революции потерпели поражение, успев только помешать империалистам «задушить русскую революцию в колыбели» (У. Черчилль). Отсутствие благоприятной ситуации европейского масштаба резко снизило шансы не только левой, но и левоцентристской полосы спектра исторических возможностей социалистического развития СССР и в конце концов привело к реализации трагического прогноза, данного Энгельсом в письме к Вейдемейеру. Можно сказать, что Ленин выступил в роли Мюнцера, а Сталин - в роли Гиплера XX века.

Энгельс видел единство мировой истории, причем не трактовал его по какой-нибудь искусственной и единообразной схеме, подобной Гегелеву движению «от несвободы к свободе», а отмечал ее действительное многообразие, богатство и сложные внутренние связи. Одно это уже объясняет упорное замалчивание и чисто декларативную, лишенную действительных аргументов критику со стороны всяческих фальсификаторов и вульгаризаторов. К этому следует добавить еще, что такой взгляд на историю возможен только в том случае, если его методологической основой служит «тотальная» философия, включающая рассмотрение взаимодействия общества и природы. К сожалению, в данной статье невозможно развить эту тему. Остается ответить на последний вопрос: каким образом человек может так далеко опередить свое время?

Возможность эта была замечена очень давно. Еще Шелли писал: «Поэты - это жрецы непостижимого вдохновения; зеркала, отражающие исполинские тени, которые

грядущее отбрасывает в сегодняшний день...»¹⁶. С неменьшим правом это можно сказать и о философах, хоть это и противоречит словам Гегеля о сове Минервы, которая начинает свой полет только с наступлением сумерек. «Что же касается отдельных людей,— писал он,— то уж, конечно, каждый из них есть **сын своего времени**; и философия есть также время, постигнутое в мысли. Столь же нелепо предполагать, что какая-либо философия может выйти за пределы современного ей мира, сколь нелепо предполагать, что индивид способен перепрыгнуть через свою эпоху...»¹⁷. С точки зрения Гегеля, это, безусловно, так, потому что для него история несет в себе только одну возможность — ту, которая и осуществляется. Но, право же, читать это у немецкого автора особенно обидно. Неужели его страна в самом деле была еще в абсолютной идее однозначно обречена на поражение Крестьянской войны, все его последствия и катастрофу войны Тридцатилетней? На раздробленность до середины XIX века? На развязывание двух мировых войн и нацизм?

Давайте попробуем - в рамках предпосылок, создаваемых экономическим базисом, - предположить, что столкновение человеческих волей в Крестьянской войне дало результаты иные, чем в действительности. Конечно, предполагать победу Мюнцера - чистая фантазия; но уже было отмечено, что умеренные силы имели немалые шансы на успех, особенно в Южной и Центральной Германии. Косвенно это подтверждается опытом соседней Чехии, сходной с этими регионами географически, экономически и социально. Силы, близкие тем, которые представлял Гиплер, продержались там у власти с 1434 по 1526 год и заставляли Габсбургов считаться с собой до 1618 года.

Реализация Хейлброннской программы не только сильно продвинула бы дело объединения и капиталистического развития Южной и Центральной Германии. Она поддержала бы родственные силы в Чехии и Польше, а также оказала бы сильное влияние на созревание предпосылок раннебуржуазной революции в Северной и Восточной Германии и даже в Скандинавии. В таком случае Нидерландская революция началась бы раньше, уже в связи с Любекским, Мюнстерским и Гентским восстаниями 1530 годов, и охватила бы не только Нидерланды, но и весь север Германии. В этом случае на территории Империи стали бы складываться два

национальных королевства: на юге - скорее всего во главе с эрнестинской ветвью саксонских Веттинов и на севере - возможно, во главе с династией Нассау-Оранских. Не будем забывать, что Северная Германия в экономическом, культурном и языковом отношении была в те времена гораздо ближе к Нидерландам, чем к Южной Германии. В состоявшейся истории это послужило одним из барьеров на пути революционного процесса, но при другом повороте событий могло бы, наоборот, содействовать разрыву с Империей путем образования двух национальных королевств. Для закрепления этого положения понадобилась бы первая европейская война, по своим историческим предпосылкам подобная Тридцатилетней, но гораздо менее затяжная и опустошительная. Вероятно, она произошла бы уже в конце XVI - начале XVII века и оказалась бы Десятилетней.

В этом случае Северогерманское королевство, которое владело бы рейнским речным путем и выходами в Балтийское море, стало бы флагманом мануфактурного, а затем и промышленного переворота. Кто не верит - поезжайте в Вупперталь и зайдите в Музей ранней индустриализации. Вы увидите, как уже в раннем Средневековье готовилась в Рейнской области ремесленная база мануфактурного переворота, как завязывались экономические отношения с Нидерландами, как уже около 1600 года была изобретена первая машина. Впрочем, при таком развитии событий ни одна европейская страна не стала бы «мастерской мира», и развитие капитализма в Европе было бы полицентричным и гораздо более сбалансированным. Благодаря этому у капиталистов было бы намного меньше возможностей сверхэксплуатации трудящихся метрополий и народов колоний, а следовательно, и меньше возможностей стабилизации своего господства. А благодаря этому к середине XIX века предпосылки пролетарской революции в Европе оказались бы уже достаточно зрелыми, и Маркс и Энгельс могли бы возглавить ее на практике, а не только в теории. Будущее - это очень часто неосуществленное прошлое, и поэтому в возможности опередить свое время нет ничего фантастического.

Что же происходит с неосуществившимися историческими возможностями? Не реализовавшись в социально-экономическом и политическом развитии, они воплощаются в культуре, в том числе в поэзии и философии. В самом деле, как

выглядела бы германская культура, если бы ее творцы, включая Гегеля, были всего лишь современниками своего времени! К счастью, это было не так, и, может быть, именно в Германии, где неосуществленные возможности были особенно велики, они породили невиданный взлет культуры в противовес убожеству «современного ей мира».

Фридрих Энгельс, кажется, был прямо предназначен для того, чтобы отразить «тени будущего» наиболее полно. Он родился в Вуппертале, в Рейнской области — в центре не состоявшегося в XVII—XVIII веках, но все же состоявшегося с огромным опозданием промышленного переворота. Его предки по отцовской линии были участниками Крестьянской войны, а по материнской — выходцами из Нидерландов. В 1849 году в составе повстанческого отряда он воевал в тех самых местах, о которых писал годом позже в «Крестьянской войне». Его индивидуальная судьба от начала до конца несла в себе несостоявшуюся лучшую историческую судьбу Германии и всего мира. Идеи Энгельса — идеи не вчерашнего, а завтрашнего дня, и столетие его смерти — недоразумение. Энгельс ждет нас в будущем.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. ?

² Правда. 06.05.95.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 28. С. 490-491.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Том 39.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 394—396

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 413.

⁹ Там же. С. 422—423.

¹⁰ Там же. С. 345.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 394—396.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 431.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 449.

¹⁴ Там же. С. 445—446.

¹⁵ См. там же. С. 49-51.

¹⁶ Шелли П. Б. Письма. Статьи. Фрагменты. М., 1972. С. 434.

¹⁷ Гегель Г. В. Философия права. М., 1990. С. 55.